

Голиков Леонид Михайлович

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
(Вологда, Россия)
E-mail: LGolikov@mail.ru

Golikov Leonid Mikhailovich

PhD (Philology), Associate professor
Russian and foreign languages,
Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia
(Vologda, Russia)
E-mail: LGolikov@mail.ru

**ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА КАК
РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ**

**THE JUSTIFICATION FOR TERRORISM
AS THE SPEECH ACT**

Аннотация. В статье делается попытка лингвистического осмысления преследуемого уголовным законом действия – оправдания терроризма. С этой целью на примере джихадистских текстов описывается пропозициональное содержание подобного речевого акта, приводятся наиболее частотные речевые способы достижения иллокутивного эффекта оправдания, оцениваются статусы автора и адресата как условие достижения коммуникативного успеха. В результате дается общее определение речевого действия оправдания терроризма.

Ключевые слова. Речевое действие, убеждающий речевой акт, оправдание терроризма, джихадистский текст, лингвокриминастика.

Summary. The article contains an attempt to give a linguistic comprehension of such criminal act as justification for terrorism. The author describes the propositional content of this speech act and gives the most frequent verbal ways to achieve the illocutionary effect of justification used in jihadist texts. As a condition for achieving some communicative success the status of author and the status of addressee are evaluated in the article. As a result the author gives a general definition of speech act of justification for terrorism.

Keywords. Speech act, convincing speech act, justification for terrorism, jihadist text, linguo-criminalistics.

Введение

В современном мире терроризм стал глобальным явлением: террористическим угрозам подвергаются страны всех частей света, возникают международные террористические организации, цель которых – изменить существующее мироустройство, террористическая деятельность приобретает все более изощренные виды и формы, ранее не известные человечеству.

Достижение ранга планетарной проблемы для терроризма явилось возможным, прежде всего, благодаря максимально эффективному распространению агрессивных идеологий посредством инструментов общения сети Интернет. Сотни неофитов, пользователей социальных сетей, целенаправленно вовлекаются в активную террористическую деятельность различных организаций с помощью текстов, в той или иной форме пропагандирующих разрушительные взгляды. Соответственно, предупреждение или пресечение подобных речевых действий является одной из основных задач противодействия преступлениям террористического характера.

После ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма в Российской Федерации появилась статья 205.2 УК РФ (2006 г.), объективную сторону которой составляют два отдельных речевых действия: публичные призывы к тер-

рористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Если призыв, в том числе к экстремистской или террористической деятельности, как речевой акт получил достаточно подробное описание в лингвистической литературе [3], [5], [13], то речевые формы оправдания терроризма достаточного теоретического осмысления еще не получили. Мы констатировали лишь начало этого процесса [2].

Основная часть

Оправдание терроризма российским законодательством [14], [19] дефинируется следующим образом: «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». В структуре данного юридического определения функционирует рационалистическая оценочная категория, выраженная наименованием *правильный*. Эта оценка может базироваться либо на шкале нормативности, либо на шкале утилитарности [1, с. 198]. В первом случае атрибут *правильный* реализует значение ‘Соответствующий положениям, установкам, принципам, служащим руководством в чем-л.; соответствующий установленному порядку, требованиям’, во втором – ‘Соответствующий действительным потребностям, приводящий к нужным результатам’ [17, т. 3, с. 353]. Подобное обстоятельство указывает на убеждающий тип речевого действия оправдания терроризма, который нацелен на психо-эмоциональную, интеллектуальные сферы воспринимающего [6], объединяя формы утверждения, декларации, констатации, объяснения, способствующие реализации семантической формулы: ‘Я хочу, чтобы ты признал Р соответствующим определенной норме и/или полезным’.

Пропозициональное содержание оправдания терроризма определяет правовая дефиниция, описывающая терроризм как практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [15]. То есть объем логического содержания подобного речевого действия формирует описание действия, сопряженного с насилием. Насилие, которое в общем понимании является частью агрессии, как концепт имеет реализацию через три основных компонента, тесно связанных друг с другом: 1) воздействие посредством физической силы [4, с. 599], [17, т. 2, с. 394]; 2) принуждение или подавление воли: насилие является «принуждающим взаимодействием», «подавлением одной витальности другой» [9, с. 19–20]; 3) устрашение: возможность быть подвергнутым насилию вызывает эмоциональное состояние, отражающее реакцию человека на опасность испытать боль, страдания, умереть, то есть насилие порождает страх, ужас (terror) [7, с. 178]. Кроме того, правовое определение терроризма настаивает на особой целевой установке этого действия, определяя его актом, преследующим политические задачи.

Таким образом, пропозициональное содержание речевого действия оправдания терроризма составляет описание насильственного действия, направленного на принуждение или подавление воли, устрашение кого-либо, преследующим политические цели.

Законом представляется конечный перечень подобных действий [14], [19]. В него входят взрыв, поджог, захват заложника, организация незаконного вооруженного формирования, участие в незаконном вооруженном формировании, угон воздушного или водного транспорта, насильственный захват власти, вооруженный мятеж и т.д. Выделим в качестве примера участие в вооруженном формировании. Подобное действие в джихадистских текстах получает экспликацию с помощью наименования *джихад* (‘Война, ведущаяся мусульманами в защиту своей веры, против иноверцев’ [4, с. 256], [18, с. 307]) в сочетании с рядами предикатов, выражающих:

1) значение действия: *делать джихад, участвовать в джихаде*;
 2) фазовое значение: *начать, продолжать джихад*;
 3) значение существования: *находиться на джихаде*;
 4) значение движения: *выйти/выходить на джихад, прийти на джихад, стать/становится на путь джихада, последовать путем джихада, пройти путь джихада* (речевые образы пути, движения являются традиционными для исламской фразеологии). В описании джихада как действия выделяется обязательный субъект, который может эксплицироваться наименованиями является *моджахед/муджахед, шахид*. То есть участие в вооруженном формировании подразумевает определенные формы участия того или иного субъекта в вооруженной борьбе.

Для оправдания терроризма как речевого действия обязательным компонентом выражаемого смысла является прагматический аспект, включающий в себя оценку террористического действия как соответствующего какой-либо норме («*Даже не то, что мы посчитали нужным выйти, мы побоялись Аллаха, Господа, который нам приказывает делать джихад*»* [11]) и/или полезного («*И есть те братья, которые вышли на джихад, на этом пути для того, чтобы отстранить и защитить эту умму от ярости кяфиров и возвысить слово Аллаха на этой земле*» [12]). Для достижения иллюкутивной цели автор речевого действия оправдания терроризма может использовать различные способы убеждения, вряд ли их набор ограничен. Здесь мы приведем лишь некоторые наиболее повторяемые приемы, которые были выявлены при анализе джихадистских текстов.

1. Апелляция к авторитету, или ссылка на общий для автора и адресата авторитетный источник: «*Весь этот джихад, вся эта борьба... Она идет именно не из-за того, что мы это делаем. Только из-за того, что Аллах укрепляет и поддерживает, ни больше ни меньше. Поэтому сколько бы муджахидов не становились шахидами, им этого не остановить. Им этого не остановить до тех пор, пока этого хочет сам Всевышний Аллах, ни больше ни меньше*» [12].

2. Апелляция к чувствам. В данном случае автор обращается к общим человеческим чувствам и ценностям: «*Последний год я знаю все события, все, что происходит на вашей территории: те зверства, тот беспредел, который сегодня кяфир чинит у вас, на вашей земле. Мы клянемся Аллахом, у нас сердце болит за вас, мы переживаем за вас, мы делаем дуа, мы просим помощи от Аллаха, чтобы сегодня он вам помог, чтобы этот кяфир ушел с вашей земли, и тот беспредел, который сегодня там устраивают они*» [12].

3. Восхваление. Подобный способ реализуется в панегирических жанрах: «*Ты сегодня встретился с Аллахом, Перешел заветную черту. Твое тело скоро станет прахом. Ты же осуществил свою мечту. Ты мечтал убитым быть в сражении. Не сложа оружия, в бою. Чтобы в судный час, день воскресенья быть с шахидами в одном строю. Ты достиг своей заветной цели, подтвердив правдивость своих слов. Да простит Аллах все прегрешенья, И введет в число Своих рабов! Да примет Аллах его шахаду. Said Abu Saad Теперь Шахидом (инша Аллах!) на пути Аллаха стал Said Абу Саад*» [12].

4. Апелляция к антиавторитету строится на противопоставлении признанного религиозного авторитета и его противников: «*Есть две армии. Армия Аллаха и армия Шайтана. Мы армия Аллаха, вы армия Шайтана. <...> Мы в рай идем. <...> Мы то ради аллаха жизнь отдаем... Вы за что отдаете жизнь? За эти звездочки, за пого-*

* Здесь и далее иллюстрации приводятся с сохранением особенностей грамматического и графического представления в источнике.

ны, карьеру? Вот она ваша вершина, к чему вы идете. Мы умираем ради Аллаха, а вы умираете ради вашей вершины, ради этого звания. <...> Вы убиваете нас за то, что мы говорим, что мы мусульмане, покорившиеся Аллаху. А вы этому кафиру Путину покорились», «Для тех, кто на нейтральной стороне. Есть войско Аллаха и есть войско шайтана. нейтральной стороны нет. Есть мунафики. Запомните это» [11].

5. Обещание, основанное на представлениях о загробной жизни в исламе: «наградой моджахедам – светлый рай!» [11], «Поэтому призываем вас к терпению и помощи джихаду на пути Аллаха, потому что это высочайшая степень. Это то, к чему мы призываем продать эту дуню за рай, рай, который сотворил Аллах своими руками» [12].

6. Угроза как прием убеждения в подобных текстах содержит запугивание адресата негативными последствиями, связанными с несоблюдением определенных религиозных установлений, и конкретные способы избавления от этих негативных последствий: «Испытание могилой пройдет каждый умерший человек за исключением Шахидов, павших в Джихаде на пути Аллаха. Это первое страшное испытание, которое ожидает человека перед Судным днем» [10].

7. Апелляция к норме, или выражение значения необходимости соблюдать определенное установление: «Праздник, который приблизился в священный месяц зуль-хиджа, когда совершается хадж. Но так как Аллах вменил нам обязанность превыше хаджа. И это джихад на его пути. И именно поэтому мы находимся здесь, а не в Мекке» [12].

8. Апелляция к антинорме – прием, утверждающий обоснованность / необходимость производства насильственного действия мотивами восстановления нормы: «Это был муртад, мунафик, предатель, национал-предатель, который, именно играя, лицемерничая, создавая видимость, что он помогает исламу, что он помогает муджахидам, делал свою черную работу. И мне пришлось дать приказ о его уничтожении. Почему? Потому что у меня было много доказательств, что этот человек именно делает очень пакостную работу и очень грязную работу против ислама. Что этот один человек принес нам больше вреда, чем 10 имамов, которые в мечети делают дават против нас. Поэтому я вынужден был дать приказ, чтобы его уничтожили и чтобы после его уничтожения каждый знал, что кафир лишился своих глаз, рук» [12].

В целом набор приемов убеждения, используемых при реализации речевого действия оправдания терроризма, демонстрирует традиционную для конфликтных текстов контаминацию речевых стратегий [8] уговаривания и устрашения.

Для оценки успешности речевого акта оправдания терроризма важнейшим фактором является статус субъектов коммуникации. Согласно тесту для определения речевых единиц как криминальных, представленному в Рабатском плане действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию [16], речевой акт оправдания терроризма будет успешным в случае, если статус говорящего будет в определенной степени значимым для потенциальной аудитории. В предполагаемой характеристиками речевого действия оправдания терроризма политической коммуникации это условие реализуется, когда возникает пара лидер или значимый представитель определенной политической партии, движения (автор) – лицо, как минимум интересующееся идеями, взглядами определенной политической партии на бытовом уровне или член определенной политической партии (адресат); в религиозно-политической коммуникации – когда функционирует пара лидер или значимый представитель определенной религии или значимый религиозно-

политический деятель (автор) – лицо, как минимум интересующееся определенной религией на бытовом уровне или исповедующее определенную религию (адресат). Политическое лидерство или политическая значимость – фактор, который обеспечивает и общие подготовительные условия, и условие искренности речевого действия. Например, высказывания о необходимости поддержки муджахедов на Кавказе, авторами которых выступают Докку Абу Усман (Докку Умаров) как амир имарата Кавказ или шейх Саид Абу Саад (Саид Бурятский), в случае адресации мусульманам, прежде всего, проживающим на Кавказе, представляются коммуникативно удачными.

Выводы

Выделенные характеристики речевого действия оправдания терроризма позволяют дать общее определение подобному речевому акту. Оправдания терроризма – речевое действие, реализуемое с целью убеждения адресата в том, что насильственное действие, направленное на принуждение или подавление воли, устрашение кого-либо, является соответствующим определенной норме и/или полезным. При этом статус автора речевого действия должен характеризоваться признаком политического лидерства или значимости.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. I – XV. 895 с.
2. Бабич О.В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V Международной научно-практической конференции. Вып. 5. Ростов н/Д: Дониздат, 2015. С. 332–339.
3. Баранов М.А. Лингвистическая экспертиза текста: Теория и практика. М., 2007. 592 с.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
5. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009. 252 с.
6. Гуляр Т.Б. Побудительный дискурс // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Сборник научных трудов. Тверь, 1993. С. 37–43.
7. Дорофеева Г. А. Страхи: определение, виды, причины // Известия ЮФУ. Технические науки. 2002. №5. С. 177–184.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 288 с.
9. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М., 2010. 200 с.
10. Материалы уголовного дела № 12000020, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2013.
11. Материалы уголовного дела № 13000005, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2014.
12. Материалы уголовного дела № 15000052, УФСБ России по Вологодской области. Вологда, 2016.
13. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации. М., 2013. 256 с.
14. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 г. Москва // 17 февраля 2012 г. Российская газета – Федеральный выпуск № 5708 (35).
15. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.
16. Рабатский план действий о запрете пропаганды национальной, расовой и религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию //

URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/11/d30593/> (дата обращения: 19.10.2016).

17. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1985–1988.
18. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М., 2008. 1136 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) // СПС Консультант плюс.

References

1. Arutiunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, 1999. I–XV. 895 p.
2. Babich O.V. Diagnostika rechevykh deistvii po opravdaniuu terrorizma ili ideologii ekstremizma [Diagnosis of speech acts used to justify terrorism or extremist ideology]. *Iazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeistviia. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language and law: actual problems of interaction. Materials of V International scientific-practical conference]. Vol. 5. Rostov-on-don, 2015, pp. 332 – 339.
3. Baranov M.A. *Lingvisticheskaia ekspertiza teksta: Teoriia i praktika* [Linguistic expertize of the text: Theory and practice]. Moscow, 2007. 592 p.
4. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. St. Petersburg, 2000. 1536 p.
5. Brinev K.I. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaia lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and judicial linguistic expertize]. Barnaul, 2009. 252 p.
6. Guliar T.B. Pobuditel'nyi diskurs [A motivating discourse]. *Kommunikativno-funktsional'nyi aspekt iazykovykh edinits. Sbornik nauchnykh trudov* [Communicative-functional aspect of language units. Collection of scientific papers]. Tver, 1993, pp. 37–43.
7. Dorofeeva G. A. Strakhi: opredelenie, vidy, prichiny [Fears: definition, types, causes] *Izvestiia IuFU. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya IuFU. Engineering science], 2002, no. 5, pp. 177–184.
8. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008. 288 p.
9. Krasikov V.I. *Nasilie v evoliutsii, istorii i sovremennom obshchestve. Ocherki* [Violence in the evolution, history and contemporary society]. Moscow, 2010. 200 p.
10. *Materialy ugovolnogo dela № 12000020, UFSB Rossii po Vologodskoi oblasti* [The materials of the criminal case No. 12000020, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2013.
11. *Materialy ugovolnogo dela № 13000005, UFSB Rossii po Vologodskoi oblasti* [The materials of the criminal case No. 13000005, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2014.
12. *Materialy ugovolnogo dela № 15000052, UFSB Rossii po Vologodskoi oblasti* [The materials of the criminal case No. 15000052, the FSB of Russia in the Vologda region]. Vologda, 2016.
13. Osadchii M.A. *Russkii iazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo iazyka v usloviakh pravovoi reglamentatsii* [Russian language on the verge of law: the Functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation]. Moscow, 2013. 256 p.
14. O nekotorykh voprosakh sudebnoi praktiki po ugovolnym delam o prestupleniiakh terroristicheskoi napravlenosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 9 fevralia 2012 g. № 1 g. Moskva. [About some questions of court practice on criminal cases about crimes of a terrorist orientation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from February 9, 2012 № 1 Moscow]. *17 fevralia 2012 g. Rossiiskaia gazeta - Federal'nyi vypusk № 5708 (35)* [February 17, 2012 Rossiyskaya Gazeta - Federal issue number 5708 (35)].
15. O protivodeistvii terrorizmu: Federal'nyi zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 06.07.2016) [On combating terrorism: Federal law dated 06.03.2006 No. 35-FZ (in the version of 06.07.2016)]. *SPS Konsul'tantPlius* [reference legal system Consultant plus].
16. *Rabatskii plan deistvii o zaprete propagandy natsional'noi, rasovoi i religioznoi nenavisti, predstavliaiushchei soboi podstrekatel'stvo k diskriminatsii, vrazhde i nasiliu* [Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence] Available at: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/11/d30593/> (accessed 19 October 2016).

17. *Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t.* [Russian dictionary: In 4 t.]. Moscow, 1985–1988.

18. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka nachala XXI veka. Aktual'naia leksika* [Explanatory dictionary of Russian language of the early twenty-first century. Topical vocabulary]. Moscow, 2008. 1136 p.

19. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (red. ot 06.07.2016 g.) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (in the version of 06.07.2016)]. *SPS Konsul'tantPlus* [reference legal system Consultant plus].

Голиков Л.М. Оправдание терроризма как речевое действие // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №1. С. 106–112.

For citation: Golikov L.M. The justification for terrorism as the speech act. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 1, pp. 106–112.